

Сакура была очень, очень благодарна, что все остальные датчики добровольно изменили свои графики, чтобы подарить ей весь день рождения, чтобы поработать над батареей и радио.

И она провела целый день, делая именно это! Наконец-то у нее (вроде как) было несколько набросков того, как могла бы работать батарея, каждый из которых был более вероятным, чем предыдущий, ее концепция радио была довольно хорошо переведена в фуиндзюцу... все, что касается ее дня рождения, честно говоря, было великолепно.

Но именно поэтому было так трудно пройти.

Несмотря на прибытие самураев, несмотря на (относительно) меньшие силы самураев, которые враг послал в ответ, несмотря на стабильное питание и меньшее количество смертей, несмотря на все это...

Они все еще находились в состоянии войны.

Каждый день она проводила в состоянии постоянной повышенной боевой готовности.

Этот перерыв – этот единственный день, когда она могла делать то, что она на самом деле хотела, наслаждаясь на целых шестнадцать часов больше, чем буквально за год, – этот перерыв только сделает последующие дни тяжелее, и она это знала.

Хотя, если честно, Сакура знала, что этот день, вероятно, принес гораздо больше пользы, чем зла.

Чего нельзя было сказать о воспоминаниях Арден.

Каждую ночь она лежала в постели с закрытыми глазами и размышляла о том, что Арден знала, что чувствовала Арден, чем Арден жила.

И каждое утро находил ее лежащей в постели и вновь вспоминающей, что она не живет на том свете.

Когда Арден было четырнадцать, она училась в школе и только-только начала серьезно задумываться о том, чем она хочет заниматься в своей жизни. Она смотрела фильмы, читала книги, играла в игры, тусовалась с друзьями, устраивала семейные ужины и косила газоны, чтобы потратить деньги.

Она никогда никого не убивала.

Она никогда даже не видела, чтобы кто-нибудь умирал.

На ее плечах не было никакой тяжести: если она не косила газон, значит, газон просто не косили; не было никаких опасений, что хозяин газона может погибнуть, а сам дом может быть захвачен врагом.

Худшее, чего мог ожидать Арден, — это не получить зарплату.

Чтобы получить плохую оценку.

Вступить в спор, потерять друга, проиграть игру.

Сакура в четырнадцать лет уже совершила убийство.

Она видела больше трупов, чем за годы на этой земле, чем за месяцы на этой земле.

Бремя ее лагеря, ее деревни, ее страны лежало на ее плечах.

То, что этот вес был разделен между ней и всеми остальными шиноби Конохи, мало помогло.

Он все еще казался слишком большим.

Каждый день, когда она просыпалась и вспоминала (снова, снова, снова), что она не Арден, что она Сакура, ей становилось немного больнее.

И все же, как наркотик, она не могла перестать искать.

Она попыталась и добилась большего успеха в ограничении времени, затрачиваемого на просмотр воспоминаний.

«Всего час», — сказала она для начала.

Это, по причинам, больше связанным со сном, чем с вызванными эмоциями, длилось всего два дня.

Потом она сократилась до получаса.

Двадцать минут.

Пятнадцать.

Десять.

Она застряла в десятилетнем возрасте уже целый месяц.

Она знала, что ее психическое здоровье ухудшается.

Постоянное напоминание об ужасе ее положения, все более тяжелые минуты разобщенности каждое утро...

Она распутывалась.

Никто еще не знал.

Она не могла – не знала, как – попросить о помощи.

Что мог сделать кто-то еще?

Что бы они сделали?

Она никогда никому не рассказывала о воспоминаниях Арден.

Она слишком хорошо помнила время, проведенное в белой комнате со злым доктором.

Она слишком хорошо помнила свое обучение пыткам.

Если бы Сакура пошла и рассказала людям, что у нее в голове чужие воспоминания, воспоминания из другого времени, другого мира и другой реальности?

Воспоминания, которые иногда мимолетно, казалось, прямо ссылались на это?

В лучшем случае они сочтут ее сумасшедшей.

Они давали ей такие лекарства, о которых и подумать нельзя, помещали ее в один из тех домов для людей с ограниченными возможностями и семей, которые либо слишком непригодны, либо слишком несуществуют, чтобы заботиться о них.

В худшем случае...

И даже если она пропустила эту часть, вместо этого она просто объяснила, как ей казалось, что она выходит из-под контроля, как будто она все меньше имеет права голоса в своей жизни и своих эмоциях, и что ей становится все больше усилий, чтобы что-то сделать, продолжать существовать...

Ну, что они могли сделать?

Им нужно было, чтобы она была сенсором.

Даже в идеальном мире, где она могла бы точно объяснить, что происходит, Сакура знала, какой будет рекомендация:

Хватит переживать жизнь Арден.

Но жизнь Арден — жизнь Арден, хоть она и медленно убивала ее, она также служила ей спасательным кругом.

Это, письма и исследования были немногими яркими пятнами Сакуры.

Она не знала, как отказаться от этого.

Даже не знала, сможет ли она.

Ей было четырнадцать лет.

Она чувствовала себя так, будто ей сто четыре года.

Все болело.

Мышечные боли, как она помнила по урокам Яманаки, имели множество причин.

Она подозревала, что стресс был самым важным в ее ситуации.

Это также могло бы объяснить ее бессонницу: даже когда она заснула, она все равно просыпалась измученной.

Желудок тоже болит.

Они были у нее уже несколько месяцев.

Подозрение на некачественную еду.

Но он не ушел, так что, вероятно, это тоже был стресс.

Она также обнаружила, что ведет себя так, словно идет по часам, даже когда на самом деле

это не так, поворачивает голову и теряет сознание при любом признаке опасности, при любом изменении вообще.

Это также-

Ну, ведь она была не единственной, у кого были такие симптомы, не так ли?

Вероятно, теперь было бы проще перечислить тех, кто находится в лагерях без каких-либо симптомов стресса, чем тех, у кого есть.

И это не считая всех других психических расстройств, которые начали возникать.

Долгие войны были...

Они что-то у тебя отняли.

Независимо от того, как мало вы на самом деле видели, постоянное давление, постоянная угроза давили на каждого участника.

Смена менялась.

Сакура скользнула в кровать.

Ей было интересно, какие части воспоминаний Арден она увидит сегодня.

Она отказалась от привычки заканчивать целую цепочку воспоминаний, прежде чем перейти к следующей.

Не увидел смысла.

Она надеялась, что это были счастливые воспоминания.

Несколько недель назад она получила кое-что о семейном отдыхе.

Это было приятно.

Вошли шиноби, только что закончившие свою смену.

Те, кто только начал, уже ушли, уже были на позициях.

Ей действительно нужно было пойти спать.

Она закрыла глаза, ожидая воспоминаний Арден.

Но она не уснула.

Не мог заснуть.

В прошлые дни, когда она пыталась заснуть, иногда это было трудно — иногда на это уходило около часа, — но она всегда засыпала.

Почему она не могла заснуть?

.

В главной медицинской палатке второго батальона второй бригады два медика склонились над восьмой кроватью от двери.

Они прошли через один-семь довольно быстро — ни одно из них не было недавним приобретением, двоих скоро отправят в Коноху, а остальные снова вступят в бой через неделю, плюс-минус.

Но на восьмой кровати находился человек, который пробыл там всего два дня.

«Хорошо, я знаю ее официальный диагноз». Один, старший, сказал. — А как насчет ее прогноза?

Младший подвинулся, вытащил блокнот и перевернул вторую страницу, чтобы показать старшему. «Мы можем уложить ее спать, но она сама не может заснуть. Мы могли бы продолжать давать ей снотворное, но...»

«Временное решение. Стресс всегда ухудшается, если не лечить его источник».

"План?"

«Пока оставьте ее здесь. Мы будем проверять ее раз в неделю, посмотрим, начнет ли она улучшаться. Я действительно не хочу удалять какие-либо датчики с линии фронта».

"Понял."

"Следующий?"

Два ниндзя перебрались на следующую кровать. Позади них девушка лежала совершенно неподвижно.

.

Бокусю стоял прямо в комнате с пленником.

Главный следователь, джонин Токубецу по имени Кадзуо, сидел напротив последнего пополнения их тюрьмы.

Заклученный повел себя дерзко.

Бокусю всегда был... удивлен - не то слово. Возможно, сбит с толку.

Бокусю всегда приводил в замешательство, когда они начинали дерзко.

В конце концов, одной из главных достопримечательностей Конохи был деревенский клан Яманака.

Но тогда Кадзуо явно не был Яманакой.

Тем не менее, если бы это был Бокусю, он бы начал задаваться вопросом, насколько хорош его следователь, чтобы считаться равным странникам разума. Или, по крайней мере, задаться вопросом, не пропустил ли он что-то, не понял чего-то, не лишился ценной информации.

Этот заключенный... этот «Мицуру»... казалось, ни о чем таком не думал.

Возможно, это была попытка ввести его в заблуждение, выразить то, чего он не чувствовал. Однако это было маловероятно: Кадзуо был эффективным дознавателем, а Бокусо — с его жуками, постоянно вылетающими в каждое отверстие и выходящими из него — эффективным инструментом для поддержания постоянного страха.

Мицуру, даже когда его дерзкое поведение исчезло, не совсем хотел сдаваться. Вместо этого он начал бушевать, сообщая одну информацию, за которую они знали правду, другую, за которую они знали, что она ложная, а о третьих они вообще ничего не знали.

То небольшое, что было правдой, скорее всего, было ошибкой: Мицуру оступился после того, как так долго не спал.

Лишение сна было здесь обычным методом. Сон был настолько важен, что любое незначительное нарушение, ну...

Так что были все шансы, что кое-что из того, что он им рассказал, то, чего они еще не знали, могло быть правдой.

И в этом Кадзуо преуспел.

Бокусо напрягся, позволив нескольким более крупным жукам выйти из одной ноздри и пройти к противоположному уху.

(На самом деле они не попадали ему в ухо, не прятались в его волосах, но иллюзия оставалась.)

Казуо пролистал принесенные им бумаги. «Сейчас, сейчас, сейчас. Я знаю, что ты не хотел мне лгать - мы все здесь друзья - но ты это сделал». Он ухмыльнулся. Это была ухмылка акулы - ухмылка, которая была настолько уверена в своем превосходстве, что всем вокруг пришлось смягчиться в ответ. «Хочешь попробовать еще раз?» Его глаза, быстрее огненного дзюцу, метнулись к Бокусо. Глаза Мицуру проследили за движением, а затем замерли, наблюдая за жуками, направлявшимися в путь.

Казуо никогда не угрожал.

Ему не нужно было этого делать.

.

Яманака Кента, гордый отец двенадцати детей, громко рассмеялся, когда из-за кулис появился еще один танцор. Двое мужчин, с которыми он пришел, его приятели по работе, которые знали его дольше, чем друг друга, присоединились, остановившись только для того, чтобы выпить еще немного спиртного.

Сегодня, по их мнению, был хороший день.

Кента (или, как они его знали, Нобуюки) был таким замечательным парнем, таким харизматичным парнем, что ему удалось найти им работу во дворце ! О, это была бы та же работа, что и всегда (готовить, готовить, а потом готовить еще, никогда без должного предупреждения и всегда с самыми необоснованными требованиями, которые только можно себе представить), но деньги .

Все в городе — все на Земле — знали, что кто-то пытался отравить дворянина, поэтому не было таким уж сюрпризом, что ему обезглавили весь список поваров, за исключением головы

(которая была сохранена), но то, что Нобуюки сделал это получили три из шести внезапно открытых позиций!

"Другой!" — крикнул Нобуюки. Он выдвинул свои монеты вперед, дико жестикулируя в сторону одной из самых дорогих бутылок, стоящей на стене дешевого по своей природе заведения. «На удачу!»

«За Нобуюки!» — кричали его друзья, которые называли себя давними.

.

Арато усмехнулся, осматривая свое новое жилье. Без некоторых аспектов своей жизни он мог бы обойтись, но роскошь... на которую он никогда не возражал бы.

"Привет!" Раздался голос. Он обернулся и обнаружил, что на куче подушек лежит его владелец: еще один, а возможно, даже главный член гарема мужского пола.

Арато немедленно повернулся и поклонился; «Добрый вечер, господин».

«Хм... восточный?»

«Да. Из Страны Чая».

Фырканье. — Значит, действительно восточный. У нас здесь другой этикет. Я научу тебя утром. Мужчина грациозно встал. Он был как минимум на голову ниже Арато и невероятно худощавым, но его мускулы говорили о часах тяжелой работы; мышцы, как знал Арато, здесь были популярны.

Арато снова поклонился.

«Я покажу вам ваши комнаты».

.

— А Яманака в восьмой постели?

«Она начинает засыпать сама по себе, но ее состояние не улучшается с той скоростью, которая необходима, чтобы оставаться на передовой. Она также не может расслабиться в течение нескольких часов после ощущения».

"Хм."

.

Саюри сдержала чихание. Ей очень хотелось покончить с этим — она ненавидела, когда были животные, потому что всегда чихала, когда были животные.

Тем не менее, миссия проходила хорошо.

Впереди Инузука и Утатане заканчивали разведку, но, похоже, это было правильное место. Если бы это было так, то завтра Утатане применила бы свое волшебство, чтобы накачать парня наркотиками, а Саюри приложила бы все усилия, чтобы раскрыть его секреты, и они отправились бы обратно на аванпост, прежде чем ее глаза навсегда покраснели от трех кошек, которых купец счел нужным жить.

Саюри сдалась и заткнула нос. Было бы забавно сохранить эту позицию до конца дня.

Она очень ненавидела миссии с животными.

.

Камуи кашлянул, затем начал рубить.

Его босс, Акимичи Акимичи, засмеялся. «Пикантно, не так ли?»

«Несъедобно!» Камуи вытеснил его. Он потянулся за водой, обнаружил, что это не помогает, и пошел к хлебу.

«Ну, возможно, само по себе. Но я подумал, что мы могли бы добавить его в несколько приемов пищи, ну, для придания изюминки».

«Чутье?!»

"Ну да."

«Где ты вообще взял эту дьявольскую еду?»

«Земля Ветра. Знаете, мы импортируем из них гораздо больше, учитывая все».

Конечно. Война. Политика. Шиноби. Это была вся жизнь Камуи, не так ли? Сколько бы он ни забегал, сколько бы раз ни повторял, что ему просто это не интересно — ну, это не его дело, не так ли?

Он хмыкнул. — Полагаю, ты хочешь, чтобы я понял, как это сделать?

Акимичи Акимичи снова рассмеялся. «Я занятой человек».

Камуи пристально посмотрел на него. "И я не?"

«Ты мой подчиненный, так что нет».

«Это не так».

«Не так ли?»

— Какие-нибудь изменения в ней?

"Нет."

«Мы подождем еще немного».

.

Такаши хмыкнул от напряжения. Рядом с ним, вдоль и поперек, все остальные шиноби делали то же самое.

Перед ними ожил огонь.

Такой уровень бессмысленных разрушений они не могли делать часто, особенно против врага, средний шиноби которого был более чем способен защитить себя, но время от времени, без

какого-либо предупреждения, огромное количество пользователей огня собиралось на передовой. и...

Хорошо...

В конце концов, был предел тому, насколько земля могла защитить тех, кто находился за ней, от жары и дыма, даже если она имела тенденцию хорошо работать в качестве настоящего барьера.

На этот раз именно они перешли в наступление, а это означало, что через несколько дней им придется следить за тем, чтобы земля начала двигаться под ними, уничтожая все, что можно, поскольку она дергалась вверх и вниз с увеличивающейся скоростью. .

Будем надеяться, что в идеале их контингент пользователей земли Суны вместе с теми немногими пользователями Конохи, которые были отправлены в их лагерь, смогут свести ущерб к минимуму.

Несмотря ни на что, эти несколько дней не будут веселыми.

Такахаши снова хмыкнул.

Это не то, чего он хотел. В детстве он думал, что быть шиноби — это круто и мощно. Он мечтал о восхищенных взглядах, а когда стал старше, о женщинах, облепивших его, в трепете перед его силой.

И он был радостью своей матери, поэтому каждое его желание сбывалось.

Он стал ниндзя.

За исключением того, что сейчас была война, и он считался «сносным» только в огненных дзюцу, и никто не смотрел на него с каким-либо восхищением, и единственные женщины, надевавшие на него одежду, были теми, кому он заплатил за это. Он не был дома уже год, у него не было большого клана шиноби, через который можно было бы получать сообщения, и из тех, с кем он работал, старшие считали его наглым, те, кто в его возрасте не мог позволить, чтобы насмешки на школьном дворе продолжались, и те, кто моложе его, думали, что они равны.

Он не раз подумывал о том, чтобы уйти, уйти в самоволку и стать ниндзя-отступником. Он этого не сделал, потому что это навредило бы его фамилии, а его отец всегда ясно давал понять, что имя — лучшее, что у него было, но...

Когда дни стали длиннее,

Поскольку война тянулась без конца,

Когда он уходил, снова и снова, совершенно непризнанный...

Привлекательность росла.

.

Яманака Иното склонился над последним письмом клана, которое нужно было разослать каждому батальону.

«Может быть, нужно добавить что-нибудь еще?» — спросил он, мысленно отмечая все, что, как он знал, должно было быть в абзацах, пока проходил последнюю итерацию.

«Две вещи. Во-первых, Яманака Сакура, дочь Кенты и Каору, все еще не на службе».

«Есть ли какая-нибудь информация, кроме той, что нам предоставили?»

"Нет."

— Тогда мы не будем об этом упоминать. Во-вторых?

«Ваш сын. О нем не упоминалось с тех пор, как он начал ходить на миссии».

Иното потер лоб. Иноичи... Иноичи был проблемой.

В последний раз, когда он видел своего единственного сына, бедный мальчик посмотрел...

Был-

И это было не совсем так, как будто он мог продолжать скрывать его от мира, продолжать скрывать от него реальность, не тогда, когда Иноичи так жаждал сражаться, сражаться, видеть пролитую кровь.

Он по-своему пытался предупредить сына.

Он полагал, что потерпел неудачу.

Иноичи тоже был его единственным ребенком, и он старел. Он любил свою первую жену, любил ее больше, чем пустыня любит воду, но она была бесплодна.

Он все еще помнил тот день, когда она ушла, день, когда она сказала, что ему нужно сначала подумать об их клане.

Его вторая жена была прекрасной женщиной, замечательной женой, но он ее не любил.

Хотя он любил их сына.

Но их сын не был создан для того, чтобы его любили, он был создан для того, чтобы быть лидером. И Иното слишком долго игнорировал это. Он слишком долго игнорировал свой долг перед своим народом, пока не стал намного старше, чем имел право быть, прежде чем у него появился наследник, а затем, даже после рождения маленького Иноичи, он хотел защитить его, любить его. , еще немного.

Он и его жена, которые также были отягощены любовью, оба позволили мальчику сойти с рук слишком многое, пока, когда наконец жизнь достигла апогея, он не смог справиться.

Он надеялся, что Иноичи чувствует себя лучше.

Он писал дважды, но ответы были... тусклыми.

— И что, по-твоему, нам следует сказать? — спросил Иното.

Другой мужчина неловко поерзал. «Я не говорю, что обязательно есть что сказать, но... ну, клан хочет новостей о своем будущем лидере».

Иното знал, что это значит. Это означало, что они хотели знать, достаточно ли быстро он взрослеет, сможет ли он взять на себя управление, когда Иното неизбежно сдохнет.

«Я не буду тратить время на то, чтобы сказать, что ничего не изменилось. Это предположение, Масаки. Нет смысла повторять это предположение».

"Как ты говоришь." — сказал Масаки, едва не выразив с ним словесное несогласие.

Иното отмахнулся от тона мужчины, отложив битву на другой день. «Отправь письмо».

Акина хмыкнула от напряжения.

"Ты хорош?" Раздался голос сверху ямы.

«Все ок!» Она кричала в ответ. Она знала, что это был важный вопрос — при первых признаках упадка сил ей придется эвакуироваться как можно быстрее, независимо от того, есть это или нет, — но разговоры заставили еще больше горячего мертвого воздуха попасть в ее легкие.

Она знала, что ее партнер, стоявший высоко над ней, работал сверхурочно, чтобы накачать свежий воздух в шахту, но она ненавидела это, ненавидела каждую секунду этого. Добыча руды была грязным бизнесом, к которому обращались только те, у кого не было другого выбора, и риск смерти был таким же высоким, как и в любой военной профессии.

Однако оно того стоило.

Каждую секунду.

Было известно, что на Землю невероятно сложно проникнуть, и вот она здесь.

Теперь она была никем, но она была никем, которую тщательно проверили и признали настоящей иммигранткой из Фроста, заманенной лучшей жизнью.

Акина снова хмыкнула, копая еще немного дальше и еще немного удлиняя яму.

Подождите и увидите — ее усилия не будут напрасными.

Катоака Юи поморщилась от солнца. Приближалось лето, и крыша штаб-квартиры давала мало тени.

Инстинктивно она повернула голову то в одну сторону, то в другую.

Там, как и ожидалось, находился контингент Суны, только что прибывший на встречу, проводимую раз в две недели.

Один из ее коллег, если его можно так назвать (Юи не стала бы, но ее не спросили), шел впереди группы; В отличие от сенсоров Конохагакуре, сенсоры Суны постоянно следили за наиболее важными из них, охраняя людей, а не места.

Топпу Сай был взрослым, но невероятно молодым, с неухоженными усами и стилем, который лучше всего можно было бы охарактеризовать как «колоритный». Его работа заключалась в том, чтобы следить за главным медиком.

На самом деле он немного флиртовал, но обычно целью становился его собственный медик, а учитывая, что по возрасту он был гораздо ближе к Юи, чем к женщине, которую он телохранителем, дела шли не очень хорошо.

За ними шли еще трое «важных людей» с тремя другими датчиками.

Их лагерь, вероятно, был почти полностью неохраемым.

«Это странная система», — подумала Юи.

"Доброе утро!" — крикнул Топпу, ухмыляясь и одним прыжком взобравшись на стены Штаба.

«Стоит ли тебе использовать свою чакру таким образом?» — спросила Юи.

Он посмеялся. Под ними вошли важные люди, а остальные сенсоры рассредоточились по земле. «Ты нравился мне больше, когда ты не мог перестать говорить о том, какой я крутой».

«Я вырос. Ты тоже должен».

«Ооо, у тебя плохое настроение. Твой больной сенсор еще не вернулся?»

Глаза Юи сверкнули на него, а затем обернулись по широкой дуге. — Ты знаешь об этом?

«Я был здесь две недели назад, не так ли? И за две недели до этого? У тебя какое-то время не работал сенсор».

«Она... выздоравливает». - сказала Юи.

— Скучаешь по приятелю?

«Мы не были приятелями».

«Да ладно, вы, дети, всегда проводите время вместе. По крайней мере, в Суне так происходит».

«Ну, мы сейчас не в Суне, не так ли?»

«Предположим, что нет. Чувак, ты обидчивый».

«Я просто пытаюсь делать свою работу».

Топпу, наконец, замолчал.

Примерно минуту.

Затем он снова заговорил. «Ты же знаешь, что ее сбил стресс, да?»

"Я знаю."

«Разве тебя не беспокоит, что с тобой произойдет то же самое?»

Юи открыла рот, затем закрыла его. Сакура умела многое, но ее нелегко было сломить. Юи, к лучшему или к худшему, была такой.

По правде говоря, она боялась стать такой же, как Сакура.

Окажемся там быстрее.

Остановившись там навсегда.

«Хобби», — сказал Топпу. «Хобби помогают, и...»

«У нее были хобби», — сказала Юи. «Есть хобби». Она поправила себя.

"Действительно?"

— Да. Она сказала... говорит, что все, что они сделали, это напомнили ей, что ей все равно придется делать это каждый день.

— Все, что они сделали?

«Ну, она также сказала, что они сделали ее счастливой, но только на короткий срок. Бессмысленно».

«Честно говоря, ты думаешь, что она бы рано или поздно оказалась в бедственном положении, если бы у нее не было хобби?»

"Я не знаю."

Топпу снова замолчал.

И затем, неизбежно, тишина оказалась для него слишком тяжелой.

«Знаешь, что с ней будет? Однажды зимой она подарила мне несколько нагревательных меток. Я просто... с ней все будет в порядке, да?»

Юи вздохнула. «Теперь она может пойти спать сама, но это все еще занимает некоторое время. Я не знаю, что собираются делать медики, но она... То есть, мне кажется, она такая же, просто усталая».

Топпу торжественно кивнул.

А затем, поскольку он был Топпу, спросил, слышала ли она анекдот о поклоннике Джашина, который пошел в бар с женщиной, свисающей с каждой руки.

Несколько ниндзя сгрудились вокруг стола в T&I. Разочарование было ясно по положению их плеч и челюстей. За последний месяц или около того им удалось поймать несколько высокопоставленных земных чиновников, и это лучший улов, чем когда-либо прежде, даже сейчас, спустя несколько недель после начала допроса первого, стало ясно, что решение было бы не так просто, как просто заглянуть в их мысли.

Все попытки до сих пор были очевидными: многим чиновникам была предоставлена противоречивая информация.

Сегодня они были сосредоточены на слухах о смерти Второго Цучикаге, относительно распространенном убеждении среди многих заключенных, но не всех.

«Не думаешь ли ты, что если бы это было правдой, мы бы уже услышали об этом откуда-то

еще? Или, по крайней мере, им было бы ясно, как он умер?»

«Смерть Муу, скорее всего, будет секретом высшего приоритета. И, действительно, все они согласны с некоторыми основами — по крайней мере, те, которые думают, что он мертв — он отправился в Уотер, чтобы попытаться заключить союз, и... не вернулся. ."

«Он и Мизукаге ненавидят друг друга. Зачем им объединяться?»

«Ну, ходят слухи о распрях среди земных самураев...»

«Да, да, это уже не слух, единственное, в чем они не согласны, это масштаб... слушай, я просто говорю, что это может быть ловушка».

«Муу уже несколько месяцев не видели на поле боя».

«Видите? Ловушка. Кроме того, мы тоже не посылаем наших Каге».

Один из других Яманака в комнате закатил глаза. «Муу отсутствовал в самом начале, не так ли? Остановил наше продвижение на севере».

«Мы ходим по кругу». Другой прервал его. «Вчера у нас была именно такая дискуссия. На данный момент нам нужно принять решение: во что мы, как страна, верим достаточно, чтобы действовать?»

Настала не очередь Ренто слушать звонившего перед административным зданием.

На самом деле этого никогда не было; он был слишком молод.

Тем не менее, по крайней мере раз в неделю, он и его друзья оказывались, как мотыльки на пламени, тянущиеся к звонившему.

Каждый раз это был ужасный опыт.

На улице всегда было многолюдно.

Плач был обычным явлением.

Списки, даже теперь, когда бои несколько утихли по сравнению с зимой, все еще продолжались слишком долго.

Звонивший начал с погибших в бою.

Имя за именем после имени за именем.

Потом пропал.

Имя за именем после имени за именем.

Потом возвращение домой.

Имя за именем после имени после...

"Что?"

— У тебя нет тети по имени Сакура?

«Дочь Кенты и Каору». Звонивший закончил, прежде чем начать со следующего имени.

Ренто взлетел.

Он слышал, как позади него Нара Кайо и Акимичи Кунио бегут за ним.

Его грудь начала болеть, когда он свернул на улицы своего клана, лишенный жизненно важного воздуха, который нужен каждому живому существу, но он продолжал идти.

Он свернул в свой комплекс.

Он все еще мог слышать топот ног Кайо и Кунио.

Он свернул на улицу своей бабушки.

Его сердце начало биться в ушах.

«Химари!» - крикнул он, узнав свою тетю. Она повернулась, и рядом с ней стояла тетя Кохана.

«Тетя Кохана!»

Он приложил последнее усилие и приземлился кучей перед ними.

"С тобой все в порядке?"

«Тетю Сакуру отправляют домой!»

<http://tl.rulate.ru/book/96215/3321331>